

УДК 801.81

<https://doi.org/10.33619/2414-2948/85/78>

РОЛЬ МОНОЛОГОВ В ЭПОСЕ «СЕМЕТЕЙ»

©Толубаева Ч. Д., канд. филол. наук, Иссык-Кульский государственный университет имени Касыма Тыныстанова, г. Каракол, Кыргызская республика

©Жумашова Н. А., канд. филол. наук, Иссык-Кульский государственный университет имени Касыма Тыныстанова, г. Каракол, Кыргызская республика

THE ROLE OF MONOLOGUES IN THE EPOS "SEMETEY"

©Tolubaeva Ch., Ph.D. philol. Sciences, Issyk-Kul State University
named after Kasym Tynystanov, Karakol, Kyrgyz Republic

©Zhumashova N., Ph.D. philol. Sciences, Issyk-Kul State University
named after Kasym Tynystanov, Karakol, Kyrgyz Republic

Аннотация. Изучение человека является основной задачей художественной литературы, изучение характера и фантазии персонажей любого эпического произведения рассматривается как проблема психологизма. Важными компонентами уникальной архитектоники эпоса “Семетей” являются художественные диалоги и монологи, в которых ярко отражаются психологические, речевые особенности портретов эпических персонажей. По мнению М. Ауэзова, С. Мусаева и других исследователей, художественный монолог является одним из определяющих содержательное направление, а также формирующих сюжетную линию компонентов трилогию эпоса “Манас”. Поэтому в статье исследуется активный элемент психологизма монолог и его роль в эпосе “Семетей” второй части “Манаса”.

Abstract. The study of a person is the main task of fiction, the study of the nature and fantasy of the characters of any epic work is considered as a problem of psychologism. Important components of the unique architectonics of the epic Semetey are artistic dialogues and monologues, which clearly reflect the psychological, speech features of the portraits of epic characters. According to M. Auezov, S. Musaev and other researchers, the artistic monologue is one of the components that determine the content direction, as well as the components that form the storyline of the trilogy of the Manas epic. Therefore, the article explores the active element of psychologism monologue and its role in the epic "Semetey" of the second part of "Manas".

Ключевые слова: психологизм, персонаж, характер, монологи, диалог, портрет, внутренний голос, эпос.

Keywords: psychologism, character, character, monologues, dialogue, portrait, inner voice, epic.

Глубокий драматизм и внутренние, эмоциональные, душевные переживания персонажей особым образом выражаются в эпосе «Семетей», который начинается со смерти Манаса и рождения его сына Семетея. Абыке и Кобош после смерти Манаса не дождавшись даже его поминок, начинают делить власть и богатство покойного, желая избавиться от его сына и наследника Семетея. Именно в таких эпизодах имеют место художественные монологи, в которых ярко отражаются трагизм, психологическое напряжение и острота душевных переживаний эпических персонажей. Особенно в монологах главных героев

передается динамика их морально-психологического состояния, из-за трагического перелома в их судьбе после смерти Манаса. Следует отметить, что психо-эмоциональный накал достигает своего апогея в монологе Каныкея, в котором говорится о том, как жестоко обошлись с ней родичи ее покойного мужа. В этом монологе она рыдая проклинает свою несчастливую женскую судьбу, обращаясь духу погибшего мужа. Проклинает Каныкей и сорока сподвижников Манаса, во главе которых стояли уже Абыке и Кобош, а противостоять им у нее не было сил и власти. Важно отметить, что монолог главной героини не следует воспринимать как обычную жалобу на жизненные невзгоды и тяжелую судьбу, поскольку в нем главным образом выражается невосполнимая утрата всего народа, потерявшего своего защитника, опоры и вождя. В этом отношении монолог повествует о неутешном трагизме всего народа и самой Каныкей, которая безутешно рыдая думает о судьбе своего единственного сына Семетея и его бабушки Чийырды, вместе с которыми она бежит в Бухару. Смирившись со своей несчастной судьбой, Каныкей принимает вынужденное решение бороться за жизнь своего единственного сына, которого она взяв в руки а старую Чийырды посадив к себе на плечи отправляется по сухой, безводной пустыне в город своего отца — Темиркана. Уставшие и измучившиеся беглянки хотели есть но не находили ничего съедобного и испытывали мучительный голод, из-за которого они пытаются отобрать даже легкие мертвого животного от клюющего их ворона. Не выдерживая таких мучений, Чийырды просит Каныкей, чтобы она оставила ее одной в дикой степи умереть и что она хочет уйти в мир иной к своему сыну — Манасу. Но мужественная и мудрая Каныкей уговаривает Чийырды идти дальше, однако вскоре они начали испытывать жуткий голод. И наконец, им встречается заблудившийся теленок, которого Каныкей поймала в надежде зарезать, но их догоняет Карымбай — ее посаженный отец, который был хозяином того самого теленка. Каныкей начала умолять его, просила отдать ей теленка, однако отдавать его жадный Карымбай не собирался. Напротив, оскорбляя грубыми словами он даже побил ее. Каныкея мучает не только сильный голод и жажда, но и подобные оскорбления, двуличие людей, которые когда-то притворялись преданными друзьями и родственниками Манаса великодушного. Таким образом, до того эпизода, где Каныкей с Чийырды доходят, наконец, до Бухары и сироту Семетея усыновляет ее брат, имеют место ряд художественных монологов, в которых выражаются душевные переживания, глубокий психологизм, подлинный драматизм, являющиеся сущностными чертами эпоса, отличающими его от других частей трилогии. В контексте упомянутых выше эпизодов, художественный монолог следует рассматривать в качестве внутренней речи, включающую в себя целую палитру чувств, различных душевных, эмоциональных переживаний, а также в них отражаются размышления эпических героев о прошлом и будущем. Все перечисленные особенности особым образом проявляются в эпизоде, где Каныкей загадывает желание, чтобы вместе с сыном вернутся на родную кыргызскую землю и решается пустить на скачки уже стареющего скакуна Тайтору. Никто не понимает эту, на первый взгляд, нелепую затею Каныкея, которая решает принять участие в торжествах по случаю провозгласения Семетея ханом и на удивление всем, появляется там в боевых доспехах Манаса.

Люди, видевшие ее, говорили:

-Боже мой, кто-же это? Не сестра ли она матери Манаса, а может быть - внучка его? Она достойна быть возведенной в ханы вместо Манаса. Но когда наконец узнали, что это была Каныкей, то большинству народа ее поведение не понравилось. Недовольные пришли к Темир-хану и сказали:

- Чего хочет твоя испорченная и своевольная дочь? Она может своим поведением возбудить нехорошие толки среди народа, поэтому запрети ей это. Темир-хан сказал пришедшим к нему с жалобой людям:

- Каныкей не такая женщина, как другие. Ведь Манаса сделала великим Каныкей. - И, прикрикнув на говоривших, он добавил: - Не ваше дело вмешиваться в ее дела!

Тогда недовольные разошлись. Но сам Темир-хан после ухода людей не мог успокоиться, его все тревожила мысль, действительно ли Каныкей явилась на праздник, одетая мужчиной? Решив убедиться в этом, он поднялся на башню и стал смотреть, и в самом деле увидел Каныкей в мужской одежде. Он устыдился за дочь и, подзвав ее к себе, сказал:

- Дочка, позорное дело для твоей вдовьей головы приходить на праздник, переодетой мужчиной, и участвовать в конских состязаниях.

Сказанные Темир-ханом слово «вдовья голова» обидели Каныкей до глубины души, и она так отвечала отцу:

Как журавль несчастный
Становится жертвой кречета,
Так и я горемычная,
Прибыв в Бухару беглянкой,
Назвать себя «вдовьей головой»
Отцу своему дала повод.
Неразумный отец ты! Не увидишь ты добра!
Называя меня так,
Ты вместе с другими унижаешь меня.
Милый мой отец!
В Самарканде и в Бухаре, в этом городе,
Разлученной со своим народом.
Не было еще такой вдовы, как я.
Не препятствуй, отец, моему замыслу,
Разрешив Тайтору пустить в бега!
Если он придет победителем
Полученный приз я раздам.
Если же Тайтору придет последним,
Прежде, чем ты меня назовешь вдовьей головой,
Я умру, не дождавшись срока своей смерти.
Восемь ханов твоих пусть соберут свой народ,
А неразумных заставят замолчать.
Кто тронет моего коня,
В пути поймаю я того,
Изобью его в дороге и принесу его в жертву.

С этими словами, рассерженная на отца, она круто повернула коня, поехала к народу и приказала составить список участвующих в состязаниях коней, объявив, что не занесенные в список будут лишены приза.

И загадала Каныкей: — «Если мой конь не придет первым, до прихода моей смерти Семетей меня убьет. Я не умерла там, где меня преследовала смерть, а теперь, видно, я сама себе смерть нашла!»

Рассуждая так и уверенная в неминуемой смерти, Каныкей предалась своему горю. Слезы из глаз ее образовали озеро, из носа били родники, она молилась духу Манаса (<http://www.eposmanas.ru/>).

Как известно, в литературоведении различают два вида монолога: уединенный и обращенный, ко второму виду следует отнести приведенный выше монолог Каныкея. Нужно отметить, что данный эпизод, по мнению Р. Сарыпбекова [5], имеет особое, драматургически поворотное значение. Поскольку, как уже было отмечено выше, в упомянутых выше художественных монологах острота и эмоциональный накал достигает своего апогея, точки. Более того, этот раздел, который называется «Каныкей пускает Тайтору на скачки», помимо всего прочего, имеет и символическое значение, так как описанные в нем события следует рассматривать в качестве предвестников перелома в жизни главных героев. А именно, предвестником возвращения Семетей на родную кыргызскую землю, на землю своих предков. Помимо этого, к числу эпизодов, служащих в качестве предыстории упомянутого выше ключевого события, следует отнести такие эпизоды как «Каныкей пускает Тайтору на скачки», «Встреча Семетей с Сарытазом», «Рассказ Каныкея о красотах родного края». Так, например, в одном из названных эпизодов, в частности, в эпизоде «Встреча Семетей с Сарытазом», имеет место монолог Сарытаза, в котором сочетаются такие типы речи как повествование, описание, а также рассуждение.

Семетей возвращаясь с охоты встречает Сарытаза, при встрече который не отвечает на его приветствие. Тогда оскорбленный этим поступком Семетей наклонившись, бьет плетью по задней части тела, тушившего уголь Сарытаза. От удара тот ткнулся головой в землю, и громким голосом стал говорить Семетею:

“Поганец ты, сирота и раб,
Нет у тебя родного кочевья!
Ударил ты меня до крови.
Но ведь мне не за что мстить,
А мстить ты должен изменившим тебе сорокаплеменным киргизам.
Непутевый сирота ты и раб!
Ведь отца твоего, могучего Манаса,
А в Бейджине живущий китаец Конурбай.
Поэтому подтяни крепко свой пояс
И мсти ему, а не мне
Это Гулькокой, а не китайский народ,
Этот лес - не земля китайская.
Друга твоего отца Алмамбета,
Подкараулив, застрелил
Коджджаш, китаец, а не я.
Поэтому, бесприютный сирота и раб,
Собери кочующий в Таласе киргизский народ
И от живущего в Бейджине китайского народа
Потребуй возмездия.
Отважен был отец твой Манас,
Весь мир подчинил себе храбрый лев.
А ты, Семетей, сын храброго льва,
В город Темир-хана бродягой прибыв,
Что ты из себя представляешь, скажи?
... Когда умер твой отец, сивогривый Манас,
Много издевательств в Таласе
Твоя несчастная мать претерпела.
Абыке с Кебешем, став ее врагами,

Оставшееся после твоего отца имущество,
Сосчитав, разделили.
Измученная, ставшая бродягой,
Твоя мать бежала в Бухару.

Тогда Семетей легко, словно птица, соскочил с коня, возложил пояс на шею и сказал:
- Вручаю тебе своего коня и голову, я сделал глупость, прости меня! - И стал умолять и упрашивать Сарытаза повторить еще раз все, что он только что слышал. Сарытаз снова повторил свой рассказ (<http://www.eposmanas.ru/>).

Подобные художественные монологи и диалоги имеют прямое отношение к развитию сюжетной линии эпоса «Семетей». Поскольку в них отражаются не только внутренние, душевные состояния героев, но и психо-эмоциональный мотив их дальнейших действий. Так, например, в душе Семетея происходит крутой перелом, иначе говоря, метаморфоза, так или иначе связанная с событиями описанными в монологах Сарытаза и Каныкея. Особое значение по мнению большинства исследователей, имеет монолог Каныкея, в котором она увидев Талас, рыдая от счастья рассказывает Семетею о красотах его родного края.

- Я буду говорить тебе, мой сын,
А ты запомни все.
Слушай мои слова о Таласе
О земле, покрытой травой,
О холмах, обильных лесами,
... Архары и косули
Вольно бегают там по горам.
Белокрылые и белоперые соколы,
Служат честно на охоте.
Помни, сын мой, что в Таласе,
Живет твой киргизский народ.

Когда вступили в пределы родной земли, они увидели, что киргизского народа, которого при жизни Манаса было столько, что он не помещался в Таласе, теперь почти не осталось. Чтобы стереть с лица земли саму память о Манасе, Абыке с Кобошем разрушили его белый дворец, вырвали золотую подпорку юрты и затопили водой это место. Семетей раскинул свою ставку на том самом месте, где стоял когда-то белый дворец Манаса. Со слезами на глазах, ведя за собой пятьсот киргизских семей, прибыл к нему Бакай (<http://www.eposmanas.ru/>).

Все упомянутые выше эпизоды, монологи по мнению С. Мусаева [4], А. Жайнаковой [3] и других не менее известных ученых-фольклористов, составляют главный стержень содержания эпоса. Поскольку в них отражаются основные, ключевые события эпоса в целом.

Из всего сказанного следует, что художественные монологи составляют наиболее специфическое звено, в котором заключены определенные аспекты идейно-эстетической, а также жизненной основы эпоса «Семетей».

Список литературы:

1. Ауэзов М. О времени возникновения эпоса «Манас» // Энциклопедический феномен эпоса «Манас». 1995.
2. Жайнакова А. Историко-генеалогические основы эпоса «Семетей». Фрунзе. 1982.
3. Мусаев С. Сказание «Манас» в период формирования племен. Фрунзе. 1999.
4. Сарыпбеков Р. Эволюция героических мотивов в эпосе «Манас» // Семетей”. Фрунзе. 1987.

5. Семетей С. Каралаевдин варианты боюнча. I китеп. Фрунзе, 1987.

References:

1. Auezov, M. (1995). O vremeni vzniknoveniya eposa "Manas". In *Entsiklopedicheskii fenomen eposa "Manas"*. (in Kyrgyz).
2. Zhainakova A. (1982). Istoriko-genealogicheskie osnovy eposa "Semetei". Frunze. (in Kyrgyz).
3. Musaev, S. 1999. Skazanie "Manas" v period formirovaniya plemen. Frunze. (in Kyrgyz).
4. Sarypbekov, R. 1987. Evolyutsiya geroicheskikh motivov v epose "Manas". In *Semetei*, Frunze.
5. Semetei, S. (1987). Karalaevdin varianty boyuncha. I kitep. Frunze. (in Kyrgyz).

*Работа поступила
в редакцию 13.11.2022 г.*

*Принята к публикации
19.11.2022 г.*

Ссылка для цитирования:

Толубаева Ч. Д., Жумашова Н. А. Роль монологов в эпосе «Семетей» // Бюллетень науки и практики. 2022. Т. 8. №12. С. 583-588. <https://doi.org/10.33619/2414-2948/85/78>

Cite as (APA):

Tolubaeva, Ch., & Zhumashova, N. (2022). The Role of Monologues in the Epos "Semetei". *Bulletin of Science and Practice*, 8(12), 583-588. (in Russian). <https://doi.org/10.33619/2414-2948/85/78>